

Е. В. Потапова

Уральский федеральный университет,

г. Екатеринбург

ГРУЗИЯ И КАВКАЗ В ПОЭТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ПУШКИНА («НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ...» И «НЕ ПОЙ, КРАСАВИЦА, ПРИ МНЕ...»)¹

***Аннотация:** В статье ставится задача проследить эволюцию восприятия географических локусов Грузии и Кавказа в поэтическом сознании А. С. Пушкина. Прослеживается принцип последовательной филиации мотива «светлой печали» на материале стихотворений «Не пой, красавица, при мне...» и «На холмах Грузии лежит ночная мгла» (с привлечением как основных, так и первоначальных редакций текстов). Кроме того, «На холмах Грузии...» рассмотрено в рамках «кавказского» цикла «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)», взятого также в обеих его редакциях. Выдвинута мотивировка, почему с течением времени Пушкин отказывается от Кавказа при изображении светлого платонического чувства любви, проецируя его всецело на Грузию.*

***Ключевые слова:** образ Грузии; образ Кавказа; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; поэтическое сознание; поэтические образы; географический дискурс.*

Грузия и Кавказ – неотделимые друг от друга локусы, связанные между собой как территориально, так и ассоциативно, семантически. Входя в состав Российской империи, они, тем не менее, воспринимались в своей совокупности как противоположный и «чуждый» русскому человеку мир

---

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Олега Васильевича Зырянова.

(в контексте оппозиции *Запад – Восток*). Однако в поэтическом сознании Пушкина присутствует осмысление Грузии и Кавказа как разнонаправленных в тематическом отношении локусов.

«На холмах Грузии...» едва ли не самое характерное в интересующем нас аспекте стихотворение. Анализируя его, В. Е. Холшевников писал: «место конкретизируется, широкое понятие “Кавказ” уточняется: Грузия, – и еще более сужается названием реки – Арагва» [Холшевников, с. 100]. Исследователь воплощает отношение Грузии к Кавказу как отношение части к целому. Мы же несколько конкретизируем это утверждение, комментируя это взаимодействие не как включение одного элемента в состав другого, а как сопоставление этих элементов при их равноправности.

Широко известна и черновая редакция стихотворения: «Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла». Уже из названия мы видим явную «подмену» локусов, соответственно, Пушкин уже тогда Грузию с Кавказом не отождествляет. Высказывались предположения, что это главным образом связано с предстоящей женитьбой на Наталье Гончаровой, и поэт просто не хотел напоминать о чувстве к другой женщине: «Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь» [Пушкин, т. 3, с. 470]. Тем не менее это может объяснять такое масштабное изменение лишь отчасти. Существует и точка зрения, что «мотивы этих изменений у Пушкина были чисто художественные» [Бонди, с. 23]. Однако мотивировки этих «художественных» замыслов так и остаются не до конца поясненными. Можно обратить внимание на первичный автограф начальной строфы в сравнении с каноническим текстом стихотворения:

Все тихо – на Кавказ ночная тень легла
Мерцают звезды надо мною –
[Бонди, с. 25]

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
[Пушкин, т. 3, с. 112]

В черновике Пушкина в первом стихе «ночная тень легла» заменены сначала словами «сошла ночная мгла», а затем исправлено – «идет ночная

мгла»; во втором вместо «мерцают» написано «восходят» [Бонди, с. 17]. В этом можно увидеть некую закономерность. Кавказ у Пушкина динамичен, а Грузия статична: *легла, сошла, идет – лежит; мерцают, восходят – шумит*; помимо динамики прослеживается и явная «вертикальность» Кавказа наряду с пространственной «горизонтальностью» Грузии: *надо мною – предо мною*; С. М. Бонди пишет о «Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла» как о «вполне законченной прекрасной вариации того же замысла» [Там же, с. 25]; мы конкретизируем, что это не столько вариация одной и той же идеи, сколько ее эволюция.

Стихотворение «На холмах Грузии» печаталось с жанроопределяющим заглавием «Отрывок» [Там же, с. 11], отсылающим нас к романтической парадигме художественности и ее стремлению к фрагментарности и незаконченности. Любопытным кажется рассмотрение произведения в рамках «кавказского» (Н. В. Измайлов) цикла «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)»: если в первой редакции 1832 года это стихотворение еще было «отрывком», то в каноническом варианте оно такого заголовка не уже содержало.

Приведем составы двух этих редакций. Первая – в сборнике «Стихотворения Александра Пушкина. Третья часть» 1832 года – имела следующий состав: I. Кавказ, II. Обвал, III. Монастырь на Казбеке, IV. Делибаш, V. «На холмах Грузии...», VI. Из Гафиза (лагерь при Евфрате), VII. Дон, VIII. Олегов щит. Вторая редакция, спланированная поэтом в 1836 году, приобрела уже иной вид: I. Дорожные жалобы, II. Калмычке, III. «На холмах Грузии...», IV. Монастырь на Казбеке, V. Обвал, VI. Кавказ, VII. Из Гафиза (лагерь при Евфрате), VIII. Делибаш, XIX. Дон.

В варианте лирического цикла 1832 года восемь стихотворений, поэтому с точки зрения структуры мы не можем обозначить одно центральное произведение. Однако поэтикой своего заглавия «На холмах Грузии...» выделяется сразу же: это единственное стихотворение, в котором реализована не «мужская», а «женская» номинация, противопоставляющая себе все остальные стихотворения в цикле.

Так, Грузия противопоставляется двум полюсам. Сначала предстает «кавказский триптих», в котором, кстати говоря, идея «вертикальности» выражена очень четко. В «Монастыре на Казбеке» обнаруживается стремление лирического героя *вверх*: «Туда б, в заоблачную келью, / В соседство Бога

скрыться мне!» [Пушкин, т. 3, с. 139]. В «Кавказе» же, напротив, положение героя кардинально меняется на противоположное – это уже взгляд *сверху вниз*: «Кавказ подо мною», «Здесь тучи смиренно идут подо мной» [Там же, с. 135]. Центральное же произведение триптиха («Обвал») показывает «вертикаль» в ее динамике: «Оттоль сорвался раз обвал, / И с тяжким грохотом упал» [Там же, с. 136]. Такой динамизм произведения подтверждается и контрастным чередованием ямбических строк с характерной мужской клаузулой. С другой стороны, «светлая печаль» Грузии противопоставляется «маленькой сатирической трилогии» (Ю. Тынянов), изображающей военные события: «Из Гафиза (Лагерь при Евфрате)», «Делибаш», «Олегов щит».

В контексте «Стихов, сочиненных во время путешествия (1829)» произведение уже в полной мере интегрируется в идейную структуру лирического цикла. «Отрывочность» ему уже не требуется, поскольку оно реализует свое значение посредством взаимодействия с рядом стоящими стихотворениями, образующими в своей совокупности «женский» триптих с характерными номинациями («Дорожные *жалобы*», «*Калмычке*», «На холмах *Грузии...*»). В этой триаде локус Грузии выделяется на фоне сначала родного края, а затем и «чужого» этнокультурного мира. В «Дорожных жалобах» речь косвенно идет о чувстве, как о явлении житейском, представляется патриархальный тип любви: «О деревне, о невесте / На досуге помышлять» [Там же, с. 123]. В послании к восточной «красавице» – калмычке – настроение лирического героя соответствует кратковременному флирту, а не любовному чувству:

Что нужды? – Ровно полчасу,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
[Там же, с. 113].

Любовь «На холмах Грузии...» далека и от житейской реальности, и от восточной раскрепощенности. Это абсолютно безвозмездное чувство, которое может быть обусловлено внешними обстоятельствами лишь отчасти: «Печаль Пушкина светла, потому что сердце его не может перестать *гореть* и *любить*» [Франк, с. 481]. Выражение такого чувства на этом локусе не создает

противоречий. Светлое переживание становится закономерным и вписывается в миросозерцательную картину Грузии. Открытое противопоставление этих локусов мы наблюдаем и в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года», поскольку лирический цикл связан с ним напрямую. Приведем характерную цитату: «Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен <...> Светлые долины, орошаемые веселой Арагвою, сменили мрачные ущелия и грозный Терек» [Пушкин, т. 6, с. 655–656].

В данной работе мы не ограничимся примерами, так или иначе связанными с лирическим циклом. Остановимся на одном из показательных примеров – известном пушкинском романсе «Не пой, красавица, при мне...». Он был написан еще до «На холмах Грузии...», но в нем поэт уже выражал свою «светлую печаль»:

Не пой, красавица, при мне
 Ты песен *Грузии печальной* (курсив мой – Е. П.)
 [Пушкин, т. 3, с. 66].

Поэтому мы можем говорить о некоей интертекстуальной связи, так называемой филиации (от лат. *filius* – сын), т. е. преемственной «генетической» связи между стихотворениями (в данном случае посредством мотива «светлой печали» и локуса Грузии). В романсе с течением времени также был произведен отказ от локуса Кавказа: в черновой редакции была вторая строфа. Приведем ее ниже, представив также ее метрическую составляющую:

Напоминают мне оне			
Кавказа гордые вершины,			
Лихих чеченцев на коне			
И закубанские равнины			
[III, с. 468]			
— —	— —	— —	— —
— —	— —	— —	— —
— —	— —	— —	— —
— —	— —	— —	— —

Почему же Пушкин впоследствии от нее отказался? С формальной точки зрения это можно объяснить несовпадением ритмической структуры строфы и ритмического целого всего романа. Разберем отступления от четырехстопного ямба: в первой строке первая стопа дает пиррихий, вследствие чего эта строка является комбинацией пэона четвертого и собственно ямба. Вторая строка также имеет пиррихий, но уже в третьей стопе, поэтому комбинация «пэон четвертый + ямба» отражается в ней зеркально. Третья строка во второй половине имеет пэон четвертый. Четвертая строка дает пиррихии в первой и третьей стопах, образуя комбинацию из двух пэонов четвертых.

Андрей Белый подробно разбирал это стихотворение в его канонической редакции. Приведем характерную цитату из его наблюдений в отношении ритма к содержанию: «каждая строфа имеет тенденцию открываться спокойным образом; в третьих же строках ритмический порыв воображения <...>, четвертые строки дают аполлиническое видение образа воображения: ритмический порыв успокаивается» [Белый, с. 300].

Рассмотрим эти принципиальные закономерности в отношении интересующей нас «кавказской» строфы. Мы видим «ритмический порыв воображения» в первой строке («напоминают»), а не в третьей. Причем «лихих чеченцев на коне» в третьем стихе вряд ли можно отнести к этой же категории, это скорее сам образ воображения. Но если для таких образов в романе характерен спокойный темп, то тут мы видим, напротив, его ускорение. Черновая же строфа своей четвертой строкой не только не «успокаивается», но, напротив, проявляется в движении, в концентрации ускорения, обусловленного сочетанием двух пэонов четвертых.

Следовательно, такая строфа не просто не соответствует тематике «светлой печали». С точки зрения метрической организации она совершенно не подходит для стихотворения. Если в беловом варианте «ритмический центр стихотворения – в душевном движении, а не в образах этого движения» [Там же, с. 300], то с добавлением второй строфы этот ритмический центр отчасти смещается: он уже не всецело в области душевных колебаний, а частично проецируется и на образную структуру.

Как и в двух редакциях «На холмах Грузии», в произведении можно проследить противопоставление «горизонтальности» и «вертикальности». Если в канонической редакции романа мы видим образы на плоскости – «берег»,

«степь», то в черновой строфе «равнины» соединяются с «вершинами». При отказе от строфы в тексте происходят и другие метаморфозы: примечательной кажется замена обращения в первой строке стихотворения (волшебница – красавица), сопровождающаяся добавлением нового катрена:

Не пой, *волшебница*, при мне
Ты песен Грузии печальной
[Пушкин, т. 3, с. 468]

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь – и предо мной
Его я вновь воображаю.
[Там же, с. 66]

У романа есть прямая биографическая основа, отчасти подтверждающая посвящение его Анне Олениной: «Грибоедов во время своих путешествий по Кавказу услышал и записал грузинскую песню. Во второй половине мая – до 6 июня 1828 г. Грибоедов в Петербурге сообщил эту мелодию Глинке. Глинка вскоре после этого играл ее у Олениных <...>, и Анна Алексеевна потом ее напевала [Цявловский, с. 389]. Образ «призрака милого, рокового» скорее всего принадлежит М. Н. Раевской: «Оленина и Раевская психологически сравнимы и о первой поэт мог сказать, что, увидев ее, он забывает вторую» [Там же, сноска к с. 386]. Возможно, что такие изменения в стихотворении были мотивированы важностью для поэта разграничения образов двух девушек: Раевская для него была связана с Кавказом, а Оленина – с Петербургом. В «Словаре языка А. С. Пушкина» слово «волшебница» приводится в двух значениях: 1. Чародейка, колдунья; 2. Чарующая, очаровательная женщина [Виноградов, с. 340]. Конкретно восточной стилизации оно за собой не закрепляет, поэтому отказ от «кавказской» строфы может быть мотивирован такой сменой обращения лишь отчасти. Добавление катрена уже в полной мере может объяснять такую перемену в стихотворении: буквальное выражение колорита локуса поэту не нужно, он может воплотить и облечь в поэтическую форму воспоминания о любви на Кавказе при проекции их на локус Грузии.

Кавказ у поэта – место военных коллизий, сопровождающееся семантикой кровопролития и борьбы, которая в полной мере выражает идею антимилитаризма; это динамика действий и относительная неустойчивость. «Грузия печальная» для Пушкина является местом отдохновения и душевного спокойствия, на ее пространственную «горизонтальность» можно проецировать чувство «светлой печали», не вступая в образный конфликт с данным локусом.

Список литературы

Белый А. «Не пой, красавица, при мне...» А. С. Пушкина (Опыт описания) // Белый А. Собрание сочинений. Символизм. Книга статей / общ. ред. В. М. Пискунова. – М.: Культурная революция; Республика, 2010. – С. 294–315.

Бонди С. М. Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла // Бонди С. Черновики Пушкина. Статьи 1930-1970 гг. – М.: Просвещение, 1978. – С. 11–25.

Дюришин Д. Формы межлитературной рецепции // Теория сравнительного изучения литературы. – Москва: Прогресс, 1979. – 318 с.

Дарвин М. Н. Проблема цикла в изучении лирики: учеб. пособие. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1983. – 103 с.

Модзалевский Л. Б., Дондуа В. Д. Запись грузинской песни в архиве Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 297–301.

Пушкин А. С. Полное собр. соч.: в 10 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. – М., 1969. – 424 с.

Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. – М: Знак, 2007. – 536 с.

Франк С. Л. Светлая печаль // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. – М.: Книга, 1990. – С. 465–481.

Холшевников В. Е. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» А. С. Пушкина // Анализ одного стихотворения. – Л., 1985 – С. 98–113.

Цявловский М. А. Автограф стихотворения «Не пой, волшебница, при мне...» // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 378–389.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000. – Т. 1. – 975 с.